

© 1998 г., ЭО, № 3

В.И. Бушков, З.М. Мадамиджанова

АРАБЫ ТАДЖИКИСТАНА В КОНЦЕ XIX–XX в.

Нам уже приходилось касаться некоторых вопросов крайне недостаточно исследованной средневековой этнической истории таджикистанских (и – в более широком плане – приамударьинских) арабов¹. В этнической истории арабов правобережья Амударьи (и прилегающих левобережных территорий) было выделено несколько этапов. Первый этап начался с момента переселения арабов в Среднюю Азию в VII–VIII вв. и продолжался до начала завоевательных походов Тимура (конец XIV в.). Второй этап связан с походами Тимура и последовавшими за ними крупными переселениями различных этнических групп, в том числе и арабов. Этот период длился до прихода русских в Среднюю Азию.

В данной статье мы попытаемся более подробно осветить современный этап этнической истории арабов и вкратце остановимся на основных процессах, существенно важных для развития или трансформации этноса. Это явится естественным завершением предыдущего исследования. В результате будет получен комплекс новых сведений, важных не только для лучшего понимания этнической истории населения Средней Азии, но и для анализа современных этнических процессов и новейшей этнополитической ситуации.

К середине XIX в. в изучаемой группе арабов начались сравнительно быстрые и серьезные изменения в культуре и быте, в той или иной мере характерные и для иных групп среднеазиатского населения, в первую очередь скотоводческого. Это выразилось в постепенной утрате традиционного хозяйства, изменениях в образе жизни, исчезновении некоторых специфических этнических черт.

Такая ситуация в существенной мере отразилась на судьбе арабов уже в новое время, когда начался третий и последний этап их этнической истории, основной составляющей которого, как и ранее, стали миграционные движения. Этот этап связан с русским продвижением в пределы Средней Азии. По сообщениям информаторов, после прихода русских значительное число среднеазиатских арабов ушло на левобережье Амударьи, присоединившись к кочевавшим там соплеменникам. Хотя традиционно это объясняется бегством от кяфиров (неверных)², в основе этого передвижения лежали, во-первых, экономические причины (трудности сохранения традиционного кочевого хозяйства из-за отсутствия свободных земель) и, во-вторых, перевод арабов бухарскими властями с натуральной на денежную форму налога³.

На этом пути в Афганистан часть арабов осела вблизи Амударьи в округе Курган-Тюбе, где еще оставались свободные земли в Бешкентской долине. Эти группы были зафиксированы П. Гаевским, который сообщал, что арабы в Курган-Тюбинском бекстве «сохранились только в кишлаке Джартыркуле, у одноименного озера, около 50 дворов, и в северной части бекства у р. Вахш, в зимовке Кизил-арык (близ Башир-Абада), здесь их около 100 дворов, рода Лархабы, земледелием не занимаются, а исключительно скотоводством...». А. Панков указывал, что эти арабы относятся к племени *бену-курайш*⁴.

Оседание на землю арабов юга Таджикистана заметно усилилось после 1895 г., когда Амударья стала закрытой границей между зонами влияния России и Англии, что затруднило их передвижение с севера на юг и обратно. В то же время к этим

арабам юга Таджикистана постоянно переселялась часть арабов Самаркандского оазиса, так как проведение железной дороги и переориентация хозяйства населения на хлопок еще больше подорвали возможность сохранения традиционного для арабов кочевого скотоводства⁵.

Отразились на судьбе арабов и годы гражданской войны, когда многие из них вновь стали уходить за Амударью в Афганистан. Эти события хорошо сохранились в памяти населения. По сообщениям информаторов, они уходили двумя путями: один путь проходил через Кобадиян и Айвадж вдоль Кафирнигана, другой пролегал восточнее – через Сарай-камар (совр. Пяндж). Часть ушедших за Амударью арабов в конце 1920-х годов вернулась в пределы СССР после стабилизации положения в Средней Азии⁶. Подчеркнем, что возвращались лишь те группы, которые ранее проживали здесь; новых мигрантов среди них не было. На этом закончился последний этап крупных передвижений арабов в пределы Средней Азии, они постепенно перешли к оседлости, поселившись в ранее существовавших селениях (в основном с арабским населением) или образовав новые.

Нельзя не отметить, что в последующие годы, вплоть до 1980-х годов, среднеазиатские (и в первую очередь южнотаджикистанские) арабы сохраняли связь со своими заамударьинскими сородичами, ездили друг к другу в гости. Время от времени среди них появлялся и прибывший из Балха человек – духовный покровитель арабов (*пири арабхо*) или его личный представитель. У арабов Кобадияна и Айваджа хранилась специальная книга «Хичрои», представлявшая собой подворные списки местного арабского населения. Пири арабхо проверял всех живущих и уточнял списки.

Согласно не разъясненным до сих пор сообщениям информаторов, если кто-либо из арабов не мог подтвердить свое происхождение генеалогией, его заносили в списки «рабов», подчеркивая тем самым его этническую «неполноценность»⁷. Не исключено, что эта книга являлась реликтом налоговых списков, по которым собирали налоги прежние тысяцкие (*мир-хазоры*) – административные должностные лица у арабов, отвечавшие в том числе и за сбор налогов.

Рассмотрим современную систему расселения арабов в южных районах Таджикистана⁸, прежде всего в пределах Кулябской обл. (с 1992 г. Хатлонская обл.). Основными источниками здесь служат работа М. Варыгина⁹, полевые материалы Б.Х. Кармышевой и А.К. Писарчик¹⁰, современные полевые материалы¹¹. По данным М. Варыгина на 1905 г., арабы проживали в пределах Кулябского бекства в восьми населенных пунктах. К сожалению, эти пункты им не названы, а среди упомянутых в работе селений нет таких, где позднее проживали арабы. Тем не менее ясно, что арабы, помещенные им в пределах амлякдарств Гирды-Курган-боло (33 хозяйства, или 165 чел.) и Гирды-Курган-поён (30 хозяйств, или 150 чел.), должны проживать на территории современного Кулябского р-на одноименной области. По данным Б.Х. Кармышевой и А.К. Писарчик, собранным в 1949 г., на этой территории арабы проживали в Кулябе и кишлаках Лягман и Джангальбаши на левобережье р. Яхсу¹² (местность Араб-куль)¹³, что позволяет уверенно отождествлять их с упомянутыми арабами у М. Варыгина. При этом вопрос о проживании арабов в г. Кулябе в период, описанный у М. Варыгина, остается открытым.

Тот факт, что на крупномасштабных картах начала XX в. селение Лягман не показано, говорит о том, что эта группа скотоводов появилась здесь недавно, и их зимовка к 1905 г. (периоду выпуска карт) еще не стала кишлаком (другие зимовки на картах показаны). Б.Х. Кармышева установила также, что арабы-*лорхабы* (*лярхоби*) проживали и в одноименном селении на правобережье р. Яхсу совместно с таджиками¹⁴. У М. Варыгина упомянуты и арабы в амлякдарствах Кульском (7 хозяйств, или 35 чел.) и Саетском (в числе таджиков).

В настоящее время территория Кульского амлякдарства входит в состав Московского и Пархарского районов. По данным Б.Х. Кармышевой, в Пархарском р-не арабы проживали в двух селениях – Араб и Каракчи. Селение Араб – это современное селение Арабо кишлачного совета Фархор. В связи с этим отметим, что на

левом, афганском, берегу Амударьи, прямо напротив современного Пархарского р-на на дороге в Чиаб, находилось селение Араб-кишлак. Не исключено, что жители современного селения Араб – переселенцы из этого арабского кишлака¹⁵. Можно с осторожностью предположить, что селение Каракчи населяли арабы, проживающие в Кульском амлякдарстве.

Б.Х. Кармышева упоминает о двух селениях: Араб и Наубулак – в долине р. Джилги, на территории современного Московского р-на. По данным М. Варыгина, в 1905 г. на территории Чубекского амлякдарства арабы не проживали. На картах того времени таких селений также нет. Таким образом, эти арабские группы осели здесь, видимо, уже после октября 1917 г.

Б.Х. Кармышева предположила, что арабы селения Араб, зафиксированные тут переписью 1926 г. в сельсовете Саричашма, постепенно влились в разросшееся селение Саричашма¹⁶. Полевые материалы подтвердили это.

Можно также предположить, что арабы селения Наубулак связаны с арабами бывшего Кульского амлякдарства, охватывавшего долину р. Ковраидара, соседнюю с долиной р. Джилги.

Следов арабов, проживавших, по данным М. Варыгина, в бывших Муминабадском и Сарычашминском амлякдарствах (современные Ленинградский и частично Московский районы) в числе 34 хозяйств (170 чел.), по данным 1949 г., зафиксировать уже не удалось. Не исключено, что именно об этих группах арабов упоминали А.А. Семенов (племя *курайш*) и Н.Г. Маллицкий (бену-курайш)¹⁷.

Однако общие сведения на 1905 г. о проживании в пределах Кулябского бекства арабов в восьми селениях, а на 1920-е–1930-е годы – в шести селениях и г. Кулябе свидетельствуют, несомненно, что в обоих случаях речь идет об одних и тех же группах.

Добавим, что в современную Кулябскую обл. вошло и бывшее Сарайкамарское амлякдарство Курган-Тюбинского бекства, ставшее Пянджским р-ном, в пределах которого также проживают арабы. А. Галкин первым упоминает на этой территории селение Араб¹⁸. Б.Х. Кармышева говорит уже о четырех селениях, где в 1920-е годы проживали арабы. Это селение Шиштюбе и три селения с названием Араб. В 1905 г. селения Шиштюбе еще не существовало, на этом месте возвышался лишь одноименный холм. В 1910-е годы было одно селение Араб, и лишь в 1920-е годы фиксируется четыре арабских селения. Это достаточно точно очерчивает хронологические рамки оседания данной группы арабов. Один из информаторов селения Араб Кульдиманского сельсовета сообщал в 1949 г. Б.Х. Кармышевой, что он с родителями в детстве переехал из Узун, где проживали арабы-*балхи*. Причем первоначально то селение Араб стояло на другом месте и его жители размещались не в стационарных жилищах, а во временных – *каппа* (особой формы юртоподобное жилище из прутьев), и на месте нынешнего селения стояли каппа катаганов¹⁹. Арабы этого селения делились на группы: *кундузи*, *чордараи*, *шартузи*, что отражало места первоначального проживания этих групп (т.е. соответственно Кундуз, Чордараи – собственно «четыре ущелья», населенного пункта с таким названием установить не удалось, Шаартуз)²⁰. На примере этого селения хорошо виден исключительно сложный, смешанный состав современных арабов Таджикистана.

В 20-е годы XX в. эти арабы ушли в Афганистан, а в конце того же десятилетия вернулись обратно. В 1932 г. они еще помнили, что раньше, до ухода на левый берег Амударьи, они проживали в Курган-Тюбе²¹.

Рассмотрим расселение арабов в пределах Курган-Тюбинской обл. (с 1992 г. – Хатлонская обл.). П. Гаевский в сведениях, относящихся к 1919–1923 гг., указывал, что арабы проживали в кишлаке Джалтыр-куле (50 хозяйств) и зимовке Кызыларыке близ Батыр-абада (100 хозяйств)²². Б.Х. Кармышева отмечала, что в долине Вахша «по обоим берегам канала Джуйбар (от Кумгузара до Узун) зимовали арабовцеводы, на остальное время откочевывавшие со стадами на адыры и в горы»²³. Еще в 1920-е годы это была территория Курган-Тюбинского амлякдарства, сейчас –

Коммунистического р-на области. Несомненно, арабы, зафиксированные Б.Х. Кармышевой, и арабы Джалтыр-куля – это одна и та же группа. Арабы же Кызыл-арыка относились в то время к современному Куйбышевскому р-ну, однако здесь их уже нет. Ясно также, что образование Джалтыр-куля и Кызыл-арыка как селений приходится на послеоктябрьское время.

В долине р. Кафирниган, т.е. в бывшем Кобадиянском бекстве, арабы жили в селениях Арабхона близ г. Кобадияна (современный Кобадиянский р-н Хатлонской обл.), Арабхона в Бешкентской долине (современный кишлачный совет Комсомольский) и Айвадж (современный кишлачный совет Джуры Назарова Шаартузского р-на)²⁴. По литературным и картографическим материалам, до 1905 г. эти группы фактически вели полукочевое хозяйство²⁵. В собственно Кобадияне арабы поселились около 1886 г., переселившись сюда из Балха²⁶. Арабы-балхи в 1870 г. переселились и в Айвадж, где в 1878 г. они имели 18 хозяйств. До конца XIX – начала XX в. число хозяйств здесь составляло от 15 до 20 (за исключением недолгого периода в конце XIX в., когда сюда подселились туркмены рода *ишанкул*, ушедшие за р. Амударью после устройства пограничного надзора) и лишь перед началом первой мировой войны возросло до 100²⁷ в результате переселения сюда новых групп. В Бешкенте, численность хозяйств которого в 1878 г. определялась в 200–300, проживали арабы совместно с узбеками-*куштамгали*. Последних, несомненно, было больше. Селение Арабхона у Кобадияна сейчас называется Арабхонаи-калон, бешкентская Арабхона входит в кишлачный совет Комсомольский.

Примерно 10 или чуть больше хозяйств арабов проживали в селении Лубиекор недалеко от Айваджа. В начале века к ним подсоединились туркмены, а около 1907 г. – узбеки-*кунграды*. В 1917 г. в селении было 30–40 хозяйств²⁸. И в настоящее время арабы проживают в селении Айвадж, а также в самом пос. Кобадиян.

В этом же бекстве арабы проживали на левом берегу Кафирнигана в селении Джаркурган и на правом берегу в селении Чуянчи современного Шаартузского р-на. В обоих селениях было несколько семей арабов²⁹. Так как селение Чуянчи существовало в конце XIX в., а по имеющимся данным, арабы проживали там совместно с *дурменами*, то можно уверенно говорить об их достаточно позднем подселении в кишлак. В Джаркургане арабы в настоящее время не проживают.

В 1889 г. в бывшем Гиссарском бекстве отмечено селение Арабхона численностью в восемь дворов в 6 верстах к югу от Гиссара, видимо, на границе между современными Гиссарским и Ленинским районами Таджикистана³⁰. Как установила Б.Х. Кармышева, потомки этих арабов в конце 1940-х годов проживали в селении Кончи³¹. Кроме того, по крайней мере в первом десятилетии XX в. арабы проживали в селении Джар в бассейне р. Варзоба близ Душанбе³². По данным Б.Х. Кармышевой, они жили также в селении Гарабабаде³³.

Анализ доступных нам сведений о передвижениях арабского населения как и на предыдущих³⁴, так и на последнем этапе их этнической истории и современном их расселении показывает, что на довольно обширных пространствах Восточного Хорасана, Северного Афганистана, южных районов Узбекистана и Таджикистана в течение всего средневековья и вплоть до нынешнего столетия объективно существовало несколько территориальных хозяйственных зон (т.е. территорий, в пределах которых осуществлялся полный скотоводческий хозяйственный цикл), используемых определенными арабскими группами. С запада на восток такими зонами были Мерв – Бухара, Андхой – Карши – Самарканд, Балх – Шерабад – Курган-Тюбе, Кундуз – Куляб. Несомненно, границы между этими зонами никогда не были жесткими. Существовали межзональные миграции как по маршрутам, близким к линии север – юг, так и по линии запад – восток (Бухара – Самарканд, Карши – Гиссар, Самарканд – Гиссар, Шерабад – Курган-Тюбе – Куляб), что в итоге приводило к смешению различных арабских групп. Однако генеральными направлениями миграций оставались внутризональные пути север – юг и юг – север.

Это позволяет нам отвергнуть мнение, высказанное американским исследователем

Т. Барфилдом, который утверждал, что исконной территорией арабов в регионе были территории правобережья Амударьи, откуда они постоянно расселялись в Афганистан и Иран³⁵. В действительности дело обстояло иначе. Именно последние районы были уже с VIII в. опорной базой для продвижения арабов в пределы Средней Азии. В течение столетий происходила постоянная «подпитка» среднеазиатских арабов новыми контингентами с юга. Это продолжалось до тех пор, пока не была установлена жесткая охраняемая граница с Афганистаном на юге региона.

В течение короткого времени (конец XIX – начало XX в.) состав среднеазиатских арабов стабилизировался и начались не только ускоренные процессы перехода арабов к оседлому образу жизни, но и переход их на совершенно новые виды хозяйственной деятельности (прежде всего хлопководство), полная утеря принципа племенной эндогамии при частичном сохранении родовой, быстрая потеря обычаев и традиций. В настоящее время практически все арабы юга Таджикистана (за исключением небольшой группы узбекоязычных, так называемых *рабатакских*, арабов селения Чуянчи кишлачного совета Саёд Шаартузского р-на) таджикоязычны. Если в прошлом у арабов Средней Азии бытовало ярко выраженное иерархическое этническое самосознание, при котором верхней ступенью были территориальные самоназвания, в которые входили племенные, родоплеменные и родовые группы (например, балхи → курейш → бонсари), то в настоящее время мы фиксируем лишь остатки такого рода самоназваний, привести которые в единую систему уже не представляется возможным.

В последние десятилетия продолжались переселения арабских групп. В результате арабы полностью покинули селения, располагавшиеся на территории современных Куйбышевского и Коммунистического районов Курган-Тюбинской обл. (селения Кызыл-арык и Джалтыр-куль). Одни переехали в современный Пянджский р-н Кулябской обл., другие – в афганский Кундуз. По сообщению араба по происхождению А. Турдыева, эти арабы относили себя к группе *аббосу*³⁶.

Пянджский р-н стал местом проживания наиболее крупной и компактной группы арабов в части Хатлонской обл. Сейчас в селении Араб кишлачного совета Кульди-ман около 150 хозяйств арабов. В остальных селениях этого района, где раньше проживали арабы, их уже нет. Судя по всему, они сменили место жительства.

Арабы Куляба (т.е. арабы, жившие в его округе в начале XX в.) или переехали в Пархар, или были ассимилированы. Небольшая группа арабов проживает в квартале Арабо селения Саричашма. Это арабы-курейш, *мирхайдари*, имеющие родственников в Пяндже и Кобадияне. Несколько арабских семей, переселенцев из Кобадияна, переехали в 1950-е – 1960-е годы в поселок им. Восе – центр одноименного района.

В Кобадиянском р-не Хатлонской обл. в селении Арабхонаи-калон продолжают жить арабы-курейш, *искандари*, *меви*, *рашиди*, *муллогули*, *наврузи*, *бонсари*, *саиди*. Несколько семей из Арабхонаи-калон 20–30 лет назад переехали в селение Черик этого же района.

В селении Айвадж кишлачного совета им. Джуры Назарова Шаартузского р-на области имеется сейчас 450 хозяйств арабов-балхи: курейш, мевы, искандари, саиды, рашиды, бонсари, муллогули. В селении Лубиекор этого же кишлачного совета насчитывается около 30 арабских хозяйств тех же групп, что и в Айвадже.

В Бешкентской долине, в селении Арабхона кишлачного совета Комсомольский насчитывается около 150 хозяйств арабов-балхи: курейш, бонсари, мевы, искандари, рашиды, саиды, муллогули.

В селениях Чуянчи, Лолазар и Саёт Шаартузского р-на вместе с таджиками и узбеками проживают и небольшие группы арабов, поселившиеся здесь в период коллективизации, т.е. в 1930-е годы. Для Чуянчи это было вторичное арабское заселение или, скорее, возвращение ранее ушедших групп. Основную массу этих переселенцев составляют жители прибешкентских селений, Айваджа и Кобадияна. Есть группа переселенцев из Шерабада (арабы-рабатаки).

В Гиссаре арабы проживают отдельными семьями и группами семей в окру-

жающих г. Гиссар селениях. Например, в селении Афганобад они живут вместе с афганцами и таджиками. Недалеко от Турсунзаде (бывший Регар), на участке им. Свердлова кишлачного совета Сешанбе, обосновались переселенцы из Кобадияна, сохраняющие родственные отношения с оставшимися там соплеменниками³⁷.

Антропологических исследований арабов Таджикистана до сих пор не проводилось. Последние такие обследования были проведены в 1980 г. А.И. Дубовым, Н.А. Дубовой и Г.В. Рыкушиной у арабов селения Пуляты Касанского р-на Кашкадарьинской обл. УзССР³⁸. В литературе, однако, высказывалось предположение, что арабы Карши и юга Таджикистана (Куляб) могли иметь контакты, так как на этих территориях бытуют общие племенные самоназвания³⁹. У арабов селения Пуляты также впервые среди арабов было проведено одонтологическое обследование. Исследования показали, что по размерам головы и лица арабы сближаются с южными таджиками и ягнобцами (по отдельным признакам – с шугнанцами). По описательным же признакам (форма и цвет волос, формы частей лица и головы) они ярко выраженные южные европеоиды⁴⁰. Эти выводы вполне согласуются с выводами Л.В. Ошанина⁴¹.

Одонтологические же выборки обнаружили сходство с «заведомо метисными группами». При этом комплекс одонтологических признаков, свойственный изученным группам арабов, как считают исследователи, наиболее четко выражен у таджиков селения Пангаза Аштского р-на Северного Таджикистана, а его вариации – у таджиков Воруха (Исфаринский р-н), Навды и ущелья р. Туполанг, что свидетельствует о генетической близости всех этих групп⁴². По нашему мнению, в ряде случаев подобную близость можно убедительно объяснить смешением пришлых арабских и местных ираноязычных компонентов (например, в селениях Пангаз и Ворух)⁴³.

Остановимся более подробно на хозяйственной деятельности арабов, на тех изменениях, которые произошли в их хозяйстве к настоящему времени.

Основным занятием арабов искони было экстенсивное скотоводство. Проживавшие в Средней Азии арабы поддерживали самые тесные хозяйственные связи со своими соплеменниками за Амударьей. Районы кочевий были относительно велики, в них входили зимние, весенние и летние пастбища. Так, например, арабы Кобадиянского и Шаартузского районов зимой отправляли свои стада в долину р. Кафирниган, весной перегоняли на скалы Бабатагских гор, а летом пасли скот на альпийских лугах афганского Бадахшана. Долина Кафирнигана исключительно удобна для зимовок скота. Невысокие горы с отлогими склонами весной и осенью являлись прекрасными пастбищами для овец; между гор в узкой долине реки были заросли камыша и другой тугайной растительности⁴⁴.

В первой четверти XX в. среди арабов Восточной Бухары господствовали традиционные патриархальные отношения. Пастбища и основная масса скота принадлежали богатым арабам, однако данная собственность выступала в общинной форме. Вследствие этого богатая верхушка объективно была заинтересована в сохранении родовых отношений. Процесс оседания кочевников-арабов начался, очевидно, сразу же после прихода их в области Мавераннахра, где каждое из арабских племен получило определенную территорию⁴⁵. Но оседание шло медленно и продолжалось несколько веков. Происходило оно в результате концентрации пастбищ и скота в руках наиболее состоятельной прослойки. Вследствие этого беднейшие слои населения теряли возможность вести скотоводческое хозяйство.

Бедняки-арабы, не имея скота и пастбищ, вынуждены были переходить к земледелию и оседать. Этот процесс сдерживался постоянным недостатком орошенных земель. Частичный переход к оседанию осложнялся также наличием родовых пережитков, когда арабы-кочевники, не имея достаточного количества скота, превращались в батраков своих богатых соплеменников-скотоводов, оставаясь в то же время в составе собственных родовых групп.

Среди арабов с родоплеменным делением господствовало традиционное натураль-

ное хозяйство, что было характерно и для многих групп оседло-земледельческого населения Средней Азии. В течение длительного времени арабы, живя в окружении местного оседлого земледельческого населения, имели с ним самое тесное культурное общение. Если раньше главной отраслью хозяйства арабов являлось овцеводство – разведение курдючных овец и мерлушек породы «араби», то постепенно, особенно в годы советской власти, арабы стали заниматься полеводством, шелководством, садоводством и огородничеством. В настоящее время арабы трудятся вместе с таджиками, узбеками в колхозах, где выращивают хлопок, плодоовощную продукцию. За последнее время в основном среди молодежи наблюдается тенденция перехода к торговым делам. Молодежь работает на базах, в магазинах.

В период, когда главным видом хозяйственной деятельности арабов оставалось скотоводство, культурные заимствования осуществлялись арабами преимущественно у тюркоязычного скотоводческого населения. Важнейшими заимствованиями были юрта особой конструкции (с двойным *кереге*, решетчатым остовом юрты), а также юртообразные жилища из прутьев – *каппа*, характерные для некоторых племенных групп узбеков: *кунградов*, *дурменов*, *карлуков* и некоторых других. В то же время одежда, по крайней мере по доступным нам источникам рубежа XIX–XX вв., была заимствована арабами в ее южнотаджикском варианте.

Тем не менее после перехода к оседлости арабы стали жить в стационарных жилищах – также в южнотаджикском варианте, сохраняя некоторое время переносное жилище в качестве летнего. В результате оседлого образа жизни арабы довольно быстро усвоили северотаджикский комплекс одежды, что было связано с начавшимися в 1925 г. массовыми переселениями таджиков с севера на скотоводческие территории юга Таджикистана, с заметным использованием одежды фабричного производства.

Современный этап этнической истории арабов Таджикистана начался, как уже говорилось, с русского продвижения в пределы края и продолжается до настоящего времени. В первой фазе этого этапа начались передвижения арабских групп как на территориях, отошедших к России, так и в Бухарском эмирате. Существенно ускорились процессы оседания арабов на землю, потери ими своего языка и достаточно строго соблюдавшейся в прошлом племенной эндогамии (при этом следует иметь в виду, что начались эти процессы раньше). Произошло дальнейшее дробление «племен» и перемешивание их частей. К началу XX столетия на базе более или менее постоянных зимовок стали возникать селения.

Вторая фаза началась с установления советской власти в Восточной Бухаре. Закрытие границы если и не прекратило полностью перемещения арабов в Северный Афганистан и обратно, то существенно их ограничило. Это стабилизировало в целом «племенной» состав среднесазиатских арабов и их численность. Одновременно ускорились процессы распада «племенной» структуры, дробления и перемешивания различных групп. В результате участившихся случаев отказа от эндогамии начались быстрые ассимиляционные процессы, что также подтверждается и данными антропологии. Существенно сократились территории в Таджикистане, прежде занимавшиеся арабами, арабское население «стянулось» в приамударьинскую полосу, хотя в целом и сохранило три (кулябская, кургантюбинская и гиссарская) традиционные группировки.

В последние десятилетия общая нехватка земли и демографические процессы привели к определенным переселениям отдельных мелких групп (в Регар, пос. Восе и др.), однако говорить о начавшемся более широком расселении арабов не следует. Более того, если еще несколько лет назад можно было предполагать, что вскоре будут окончательно ассимилированы многие группы арабов Таджикистана (что связывается нами прежде всего с утратой национального самосознания), то события последних лет в республике вызвали к жизни совершенно иные процессы. Резко усилилось арабское самосознание, арабами был создан Союз арабов Таджикистана, уже к концу 1992 г. насчитывавший около 16 тыс. членов⁴⁶, началась массовая замена

арабами своих паспортов из-за желания сменить запись в графе «национальность» (почти все они были записаны таджиками).

В итоге складывается ситуация, когда может быть реализован сценарий, аналогичный тому, по которому развивается ситуация прежде всего с некоренным населением Таджикистана, вынужденным покинуть республику: русскими и другими славянскими группами, немцами, евреями (в том числе и среднеазиатскими) и др.

Примечания

¹ Бушков В.И., Мадамиджанова З.М. Арабы Таджикистана: некоторые вопросы этнической истории // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. Ч. 1. М., 1992.

² Любопытно, как эти не столь уж давние события отразились в легендах местных жителей. Недалеко от селения Арабхонаи-калон у подножия горы есть кладбище Худжай-гозиён (одно из двух кладбищ в округе Кобадияна, где хоронят арабов), которое арабы между собой называют также Фатима-Зухра. Если смотреть со стороны Арабхонаи-калон на гору возле этого кладбища, то на вершине горы можно увидеть каменные, как бы скульптурные портреты двух девушек, прикрывших лица вуалью.

Существует легенда, что это две сестры – Фатима и Зухра, убежавшие от неверных. Когда они якобы поднялись на вершину этой горы, то увидели, что со всех сторон окружены врагами. Они прикрыли лица и окаменели. Хотя эта легенда входит в широкий круг схожих легенд у разных народов Средней Азии, она интересна тем, что позволяет определить возникновение мифа во времени и пространстве.

³ Юсупов Ш.Т. Очерки истории Кабадианского бекства в конце XIX – начале XX века. Душанбе, 1986. С. 18, 100–101.

⁴ Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство // Изв. Российского Географического общ-ва (далее – РГО). Т. 55. Вып. 2. М., 1924. С. 23; Панков А. Население Таджикистана // Таджикистан. Сб. статей. Ташкент, 1925. С. 91.

⁵ Barfield T. The Central Asian Arabs of Afghanistan. Pastoral Nomadism in Transition. Austin, 1983. P. 9. Этот же автор приводит слова наблюдателя прошлого века Олифсена, который сообщал об арабах, что «... теперь они живут в домах, как другие туземцы, особенно понимают в ткачестве ковров и торговле лошадьми. Они до сих пор говорят немного по-арабски, их легко узнать благодаря их смольного черного лица, больших черных глаз и черных волос» (Ibid. P. 9).

⁶ Сведения о реэмигрантах из Афганистана сохранились и в документах. Хотя в них и не упоминается этническая принадлежность переселенцев, их общее число, а также последующие места расселения позволяют видеть в некоторых из них арабов. Так, отмечается, что в 1927 г. из Афганистана прибыли реэмигранты из 200 хозяйств. Первоначально предполагалось расселить их в Аральском р-не (50 хозяйств), Курган-Тюбинском (75 хозяйств) и Кулябском (75 хозяйств) вилайетах. Однако к 1 апреля 1928 г. в Курган-Тюбе прибыли арабы лишь из 82 хозяйств, в Куляб – из 18 хозяйств. Всего же к 1929 г. было планомерно расселено переселенцев из Афганистана: в Курган-Тюбинском вилайете – из 88 хозяйств, Гиссарском – из 2, Кулябском – из 18 хозяйств. Остальные арабы из 200 хозяйств расселились самостоятельно. Кроме того, из документов однозначно следует, что все переселения проводились в хлопкосеющие районы. (Известно, например, что дехканин селения Араб Кобадиянского р-на Иргаш Маманиязов уже в начале 1928 г. получил премию 2-й степени за отличные показатели в хлопководстве.)

Всего же в 1927–1929 гг. из Афганистана в Таджикистан вернулись 10 тыс. хозяйств реэмигрантов, или 60 тыс. чел. См.: Из истории коллективизации сельского хозяйства и колхозного строительства в Таджикской ССР. Сб. документов. Душанбе, 1973. С. 80, 85, 89; Кооперативно-колхозное строительство в Таджикистане. 1917–1929 гг. Сб. документов. Душанбе, 1987. С. 348.

Об этом же говорит и И.Н. Винников со ссылкой на полевые записи участника отряда Таджикской комплексной экспедиции АН СССР А.Н. Кандаурова. См.: Винников И.Н. Арабы в СССР // Сов. этнография (далее – СЭ). Вып. 4. 1940. С. 12.

⁷ Видимо, это было связано с существованием в средние века у населения Средней Азии института рабства (*гулом*, *банда*, *псир*), причем рабы, состоящие преимущественно из иноплемеников, составляли особые категории населения (у туркмен, например, помимо родоплеменного деления все население делилось на *иг* – «чистых» и *гул* – рабов, в том числе и потомков рабов, оказавшихся пленниками у туркмен в результате разбойных набегов).

После присоединения Средней Азии к России и ликвидации института рабства память о нем продолжала и продолжает сохраняться, в том числе и в виде родовых самоназваний (фамилий).

⁸ Следует подчеркнуть, что фиксация системы расселения арабов и ее трансформация во времени важны не сами по себе, а потому что они отражают реальные процессы оседания арабов на землю, не фиксируемые другими источниками.

- ⁹ *Варыгин М.А.* Опыт описания Кулябского бекства // Изв. РГО. Т. 52. Вып. 10. Пг., 1916. С. 737–803.
- ¹⁰ Авторы приносят глубокую благодарность Б.Х. Кармышевой за возможность ознакомиться с ее полевыми материалами, а также за весьма ценные консультации.
- ¹¹ Полевые материалы З.М. Мадамиджановой за 1987–1991 гг.
- ¹² *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С. 112.
- ¹³ *Варыгин М.А.* Указ. раб. Карта.
- ¹⁴ *Кармышева Б.Х.* Указ. раб. С. 76. Она же приводит различные мнения об этнической принадлежности этой группы.
- ¹⁵ Б.Х. Кармышева указывает, что, по данным А.К. Писарчик, пархарские арабы считали себя выходцами из Куляба. См.: *Кармышева Б.Х.* Указ. раб. С. 113.
- ¹⁶ Полевые материалы Б.Х. Кармышевой за 1949 г.
- ¹⁷ *Семенов А.А.* Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903. С. 74; *Маллицкий Н.Г.* Учебное пособие по географии Таджикистана (курс родниоведения). Ч. 1. Ташкент; Самарканд, 1929. С. 67.
- ¹⁸ *Галкин А.С.* Краткий очерк Бухарского ханства // Военный сб. № 12. Т. 186. СПб., 1890. С. 412.
- ¹⁹ О *каппа* у различных групп узбеков см.: *Кармышева Б.Х.* Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Сталинабад, 1954. С. 135–136; *ее же.* Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков // СЭ. 1961. № 1. С. 17, 20.
- ²⁰ Полевые материалы Б.Х. Кармышевой за 1949 г.; Полевые материалы З.М. Мадамиджановой за 1988 г. Собственно Чордара может переводиться и как «четыре двери». В связи с этим отметим, что именно так – мазори Чордара – назывался и один из крупных мазаров селения Кыстакос юго-восточнее Ходжента; одна из групп населения квартала, где расположен мазар, относит себя к арабам.
- ²¹ Материалы отряда по изучению населения Таджикистана комплексной экспедиции АН СССР за 1932 г. См.: *Винников И.Н.* Указ. раб. С. 12.
- ²² *Гаевский П.* Указ. раб. С. 23, 24; Ш.Т. Юсупов ошибочно называет зимовку Кызыл-арык кишлаком (*Юсупов Ш.Т.* Вахшская долина накануне установления Советской власти. Душанбе, 1975. С. 14).
- ²³ *Кармышева Б.Х.* Указ. раб. С. 112.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Февралев Н.* Правобережная полоса Пянджа и Аму-дарьи от Калы-Ванч до Керки // Военный сб. № 9. СПб., 1895. С. 427.
- ²⁶ *Bonvalot G.* Du Caucase aux Sudes a travers le Pamir. P., 1889. P. 198–199.
- ²⁷ *Юсупов Ш.Т.* Очерки истории Кабадианского бекства... С. 19.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Кармышева Б.Х.* Указ. раб. С. 112.
- ³⁰ *Лиллиенталь.* Гиссарское и Кабадианское бекства. 1889 г. // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 57. СПб., 1894. С. 354.
- ³¹ *Кармышева Б.Х.* Указ. раб. С. 113.
- ³² *Б.Л.* Очерки Гиссарского края. Течение р. Варзоб // Туркестанские ведомости. 1910. № 52.
- ³³ Полевые материалы Б.Х. Кармышевой за 1949 г.
- ³⁴ См.: Арабы Таджикистана...
- ³⁵ *Barfield T.* Op. cit. P. 6.
- ³⁶ Обратим внимание на селение Аббоси на берегу р. Яксу северо-западнее Куляба.
- ³⁷ Полевые материалы З.М. Мадамиджановой за 1987–1991 гг.
- ³⁸ *Дубов А.И., Дубова Н.А., Рыкушина Г.В.* Антропологическая характеристика групп ирони и арабов Средней Азии // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1980–1981. М., 1984. С. 186.
- ³⁹ *Кармышева Б.Х.* Указ. раб. С. 113.
- ⁴⁰ *Дубов А.И., Дубова Н.А., Рыкушина Г.В.* Указ. раб. С. 191.
- ⁴¹ *Ошанин Л.В.* К сравнительной антропологии этнических групп, пришедших из Передней Азии, – евреев и арабов и этнических групп Узбекистана – узбеков и таджиков // Матер. по антропологии населения Узбекистана. Вып. I. Ташкент, 1928. С. 1.
- ⁴² *Дубов А.И., Дубова Н.А., Рыкушина Г.В.* Указ. раб. С. 194.
- ⁴³ *Бушков В.И., Мадамиджанова З.М.* Указ. раб. С. 43.
- ⁴⁴ *Маллицкий Н.Г.* Указ. раб. С. 65.
- ⁴⁵ *Андреев М.С.* Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году // Изв. Туркестанского отд. РГО. Т. 17. Ташкент, 1924. С. 127–128; *Бурькина Н.Н., Измайлова М.М.* Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джайнау Кашкадарьинского округа Узб.ССР. Зап. коллегии востоковедов. Т. 5. Л., 1930. С. 527–549; *Волин С.Л.* К истории среднеазиатских арабов // Тр. Ин-та востоковедения АН СССР. Вып. 36. М.; Л. 1941. С. 126.

**V. I. B u s h k o v , Z . M . M a d a m i d j a n o v a . T a d j i k i s t a n A r a b s
in Late 19th–20th**

In this article it makes an attempt to give the detailed description of the present stage of the history of Tajik (and in the broad sense Amydarya area) Arabs. The authors dwell on the main process which is important for the development and transformation of this ethnos. As the result of this investigation the specialists will be able to get the complex information which is necessary not only for better understanding of Middle Asia population ethnic history but for analysis of the present ethnic process and the up-to-date ethnopolitic situation.

© 1998 г., ЭО, № 3

М.Г. Тур ов

**К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА
И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭВЕНКОВ***

Очевидно, что по сложности и объему привлекаемых источников исследование означенной проблемы не исчерпывается заданными рамками журнальной статьи. В этой связи автор обязан извиниться перед читателем в том, что излагаемые здесь соображения конспективны, а аргументация предлагаемых к обсуждению положений более чем лаконична.

Происхождение и этническая история эвенков, определение места данной этнической общности в этногеографии, хронологии и этнокультурной истории коренного населения Сибири неизменно привлекают внимание и являются предметом специальных исследований уже со второй половины XVIII в.¹ Со второй четверти XX в. ранние этапы этногенеза эвенков составляют одно из традиционных направлений исследований сибирской антропологии, археологии и лингвистики. Тем не менее данная проблема все еще далека от разрешения, а источниковая база этногенетического материала, как нам представляется, по-прежнему изобилует незаполненными лакунами.

Осмысление предшествующих концептуальных решений проблем этногенеза и этнической истории эвенков привело нас к следующему, очевидно, неоспорному суждению: все без исключения исследования в этом направлении так или иначе связаны с попытками интерпретации и соединения в общую схему следующих свойственных эвенкам (тунгусам) феноменов: 1) огромный для относительно малочисленной этнической общности ареал расселения и отсутствие постоянных хозяйственных, социальных и информационных связей между ее территориальными подразделениями; 2) общность в основных элементах языка, хозяйства, материальной и духовной культуры, сочетающаяся с их локальной спецификой; 3) выявленные уже на ранних этапах этногенетического изучения тунгусов аналогии в языке, физическом типе и культуре, соединяющие тунгусоязычное население Северной Азии, «палеоазиатов» и исторически известные этнические общности самодийской, тюркской и монгольской языковых групп в некие метаэтнические образования.

* Настоящая публикация подготовлена в соответствии с программой исследовательского проекта РФФИ 95-06-17231.